

Ярослав Северцев

Бизнес леди Империи

Бизнес леди Империи

Ярослав Северцев

Бизнес леди Империи

«Автор»

2026

Северцев Я.

Бизнес леди Империи / Я. Северцев — «Автор», 2026 — (Бизнес леди Империи)

Она летела на примерку в Mercedes с личным водителем. У неё была империя моды, сумка Birkin и контракт на миллионы. А через секунду — она очнулась в теле нищей девочки на Сенной площади. Петербург, 1881 год. Зима. Холод. Голод. У неё нет ничего. Кроме рук, помнящих каждый стежок, и французского, который звучит как музыка.

Содержание

Глава 1. Последний день империи Веры Штерн	5
Глава 2. Пробуждение	8
Глава 3. Капитал	10
Глава 6. Сто стежков до славы	15
Глава 7. Слухи и сплетни	19
Глава 8. Петербург закройщиц	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ярослав Северцев

Бизнес леди Империи

Глава 1. Последний день империи Веры Штерн

Москва, Садовое кольцо, «Stern Atelier». За час до аварии.

Вера Штерн стояла посреди ателье, и все десять её сотрудников замерли.

Это называлось «режим тишины». Никакой музыки, только шелест тканей и редкий стук швейной машинки. Она обходила манекен, на котором висело то самое платье. Вечернее, изумрудное, с ручной вышивкой стеклярусом, напоминающим чешую дракона.

— Плечо уехало вверх на два миллиметра, — сказала Вера спокойно. — Линия принтесс не работает. Распороть.

Закройщица, женщина с двадцатилетним стажем, побледнела.

— Вера Сергеевна, там же ручная строчка...

— Я сказала — распороть. Или вы хотите, чтобы жена министра энергетики повернулась на балу и все подумают, что мы шьём в подвале? — Вера сняла очки для чтения и устало потерла переносицу. — У нас через три дня примерка. Успеем.

Она говорила тихо, без крика. И это было страшнее.

Телефон на столе из красного дерева завибрировал. СМС от водителя: «Вера Сергеевна, подъехал, жду у центрального входа».

— Всё, — Вера щелкнула пальцами, и «режим тишины» отключился. — Я на выезд. Костюм для Орловой — закончить подол сегодня. Выкройку пиджака-оверсайз — мне на ватсап к девяти вечера.

Она накинула пальто Мах Мага цвета верблюжьей шерсти. Сунула в сумку Birkin (чёрный, крокодил) айпад с эскизами, паспорт, помаду «Tom Ford» и флакон «Vaccarat Rouge 540». На пороге обернулась:

— И, ради бога, уберите этот ужасный муслин с примерочной. Он мне всю цветопередачу убивает.

Дверь за ней закрылась с мягким шипением доводчика.

Лифт спускался минуту. Вера смотрела на свое отражение в зеркальных стенах. Сорок два года, но выглядит на тридцать пять. Регулярный уход давал свои плоды, микроблейдинг, филлеры — по делу, без фанатизма. Стрижка каре, подкрашенная в пепельный блонд. Она создала бренд с нуля. Первый бутик на Кузнецком мосту, потом Париж, потом Дубай. Она могла позволить себе всё.

Кроме времени.

Вниз, в подземный паркинг, она вышла быстрым шагом, цокая лодочками Manolo Blahnik по бетону.

Чёрный Mercedes S-Class стоял у колонны. У машины — её водитель, Николай. Бывший военный, подтянутый, в тёмном костюме и перчатках. Он открыл заднюю дверь, приглашая ее присесть.

— Добрый вечер, Вера Сергеевна.

— Здравствуй, Коля. — Она скользнула на подогретое кожаное сиденье. — Резину сменил? Говорят, на Кутузовском гололёд.

— Шипы, Вера Сергеевна. Всё под контролем, — он закрыл дверь с тем бархатным звуком, который бывает только у настоящего немецкого люкса.

Она откинулась на спинку, вытащила айфон. Там было четырнадцать непрочитанных сообщений. Поставщик из Италии переносит сроки поставки шёлка. Инфлюенсер с миллионом подписчиков просит платье бесплатно («взамен на пост в сториз», — фыркнула Вера и отправила в игнор). Бухгалтер прислал отчёт по налогам.

— Коля, поехали, — бросила она, не поднимая глаз. — На Петровку, сначала к Елене Викторовне, потом в ателье на Тверской.

— Понял. — Mercedes мягко тронулся с места, вырулил из паркинга и влился в вечерний поток.

Вера работала в машине. Это была её вторая стихия. Она открыла ноутбук, включила рендер будущей коллекции «Анимус» — отсылка к конструктивизму двадцатых, но с гипертрофированными плечами и асимметрией. Пальцы бегали по тачпаду, подписывая контракты в «Диадоке», отвечая партнёрам в телеграме.

— Коля, сделай погромче климат, что-то душно.

— Сделал.

Она не заметила, как они выехали на Садовое кольцо. Стемнело рано, декабрьское небо давило свинцом. В зеркале заднего вида мигали огни ресторанов, вывески «Азбука вкуса», витрины ювелирных.

Вера переписывалась с Парижем.

«Veronique, je t'envoie les croquis demain. La dentelle sera prête dans deux semaines».

(Вероника, высылаю эскизы завтра. Кружево будет готово через две недели).

Она любила французский. Любила, как он скользит — гладко, маслянисто, как хороший шоколад. Её французский был идеален. Сорбонна, год стажировки у Жан-Поля Готье, потом муж-парижанин (теперь уже бывший). Язык впитался в кровь.

Машина плавно обогнала фуру. Коля включил поворотник, перестраиваясь в левый ряд.

— Стоянка будет у «Петровского пассажи», — сказал он.

— Хорошо, — Вера даже не подняла голову. Она поправляла строчку в договоре. Шрифт, пунктуация — всё должно быть идеально.

А потом она услышала звук.

Не визг тормозов. Нет. Сначала был звук, который не вписывался в московскую зиму — скрежет металла, как будто кто-то рвал лист жести голыми руками. Потом свет фар встречной машины — почему-то оттуда, откуда их не должно было быть. Выезд на встречу. Коля что-то крикнул — она не разобрала, мат или молитву.

— Держись! — это было последнее, что отчётливо услышала Вера.

Мир разлетелся вдребезги. Буквально. Стёкла, подушки безопасности, запах бензина и горячего металла. Ноутбук ударил её в грудь. Сумка Birkin вылетела вперёд, высыпая помаду, айпад, запасную батарею — всю эту мишуру успешной жизни.

Вера не успела испугаться. Только подумала, очень спокойно, как будто со стороны: «Как же неудобно... У меня же примерка завтра».

И темнота.

Не чёрная. Серая, мокрая, холодная — как декабрьская Москва, если смотреть на неё со дна сугроба.

Она ещё чувствовала, как её тело сжимает железо. Как капает что-то тёплое на щёку. Коля молчал.

А потом всё исчезло.

Она летела. Не вверх — вбок, в какую-то щель между секундами. И слышала, как трещит по швам её личность, рассыпаясь на атомы: Вера Штерн, сорок два года, основательница бренда, любительница кофе раф, ненавистница капризных клиентов, коллекционер винтаж-

ных выкроек, женщина, которая строила свою империю двадцать лет — всё это комкалось, как ненужный эскиз, и улетало в трубу.

В темноте пахло навозом, дымом из печных труб и дешёвым табаком-самосадам.

И было очень, очень холодно. А потом все пропало!

Глава 2. Пробуждение

Она очнулась от того, что кто-то рядом ругался.

— Пусти, жидовка, я первый её нашёл! — сиплый голос звучал прямо над ухом.

— Сам ты жид пархатый, это моя лестница, моя нищенка, моё и пальто!

Вера с трудом разлепила веки. Веки были тяжёлыми, словно к ним привязали по гире. Над ней склонились две грязные рожи в рваных картузах. Один тянул за рукав её... постойте.

Это не её пальто Мах Мага.

Это был какой-то мешок. Ватный, дырявый, вонючий, как старый плед из гостиницы для бомжей.

— Пош... пошли вон, — выдохнула Вера, и голос её прозвучал тонко, звонко, по-детски.

Она оттолкнула мужчину рукой. Рука была чужая. Тонкая, синяя от холода, с грязными ногтями и заусенцами. На запястье — след от ожога, старый, как будто углём прижгли.

Мужчины отшатнулись, но не от её силы — от неожиданности. Оборванная девка, которая лежала пластом уже неизвестно сколько часов, вдруг открыла глаза и смотрела так, что становилось не по себе.

— Бесноватая, мы думали ты подохла — сказал первый и сплюнул на снег.

Они ушли, ругаясь и пиная пустые ящики.

Вера села. Мир поплыл. Затошило. Она уперлась ладонью в дощатую стену — это было чьё-то крыльцо, чёрный ход трактира. Вокруг лежал снег, перемешанный с золой, капустными листьями и конским навозом. Пахло так, что современный человек не выдержал бы и минуты.

«Это не сон», — поняла она.

Она опустила глаза вниз. Тело. Маленькое, худое, грудь — только намечается. Рубаха грязная, юбка драная, лапти... боже, настоящие лапти на верёвках.

Она судорожно ощупала лицо. Острый подбородок, впалые щёки, нос пуговкой. Не её лицо. И волосы — мышинные, спутанные, полные колтунов.

Вера попыталась встать и чуть не упала — ноги не держали. Голод был не просто чувством. Голод был субстанцией. Он заполнял желудок, как кислота, и выедал его изнутри.

— Эй, Катька, оклемалась? — из двери трактира высунулась бабища в засаленном фартуке. — А я уж думала, дух испустила. Вали отсюда, не позорь заведение. Христа ради проси подальше, у нас господи обедают.

Катька.

Её звали Катька.

Вера закрыла глаза, и в голову хлынул поток — чужой памяти, чужой боли. Отец умер от чахотки на верстаке, мать — через месяц, от горя и тоски не смогла перенести смерть мужа. Дом отняли за долги. Катька спала на сеновалах, ела объедки, а зимой чуть не замёрзла насмерть на этом самом крыльце. И замёрзла бы, если бы...

...если бы в неё не вселилась душа Веры Штерн.

«Так, — сказала себе Вера голосом, который не дрожал, хотя всё внутри дрожало. — У тебя нет ателье. Нет счета в банке. Нет Коли с Mercedes. У тебя есть тело-подросток, лапти, один зубной гнойник (она нащупала его языком) и три копейки, зажатые в кулаке. И ещё французский. Идеальный французский, который ты тащила с собой через смерть».

Она разжала кулак. Три копейки. Медные, грязные.

— Этого хватит на краюху хлеба и вчерашние щи, — судя по памяти прошлой хозяйки тела, прошептала она. И тут же подумала: — А ещё — на иголку и нитку.

В её глазах, огромных серых глазах на худом лице, зажёгся огонь. Тот самый, который двадцать лет назад заставил её открыть первое ателье в арендованной комнате на окраине Москвы.

Она не знала, какой сейчас год. Она не знала, кто правит Россией. Она не знала, кто здесь законодатель моды — Чарльз Ворт ещё жив? Или уже Калло Сёстры?

Но она знала одно: мода — это власть. А власть она умела брать.

Вера поднялась на ноги. С шаткой грацией больной лошади, но поднялась. Запахнула дырявый ватник, подобрала с земли какую-то тряпку, похожую на платок, и побрела к воротам.

Навстречу ей проплыла карета. Из окна выглядывала дама в нелепой шляпе — с чучелами птиц и вуалью, которая была приколота криво. Платье — сиреневый шёлк, но крой устаревший, турнюр слишком высокий, рукава собраны ужасно.

Вера остановилась как вкопанная.

— Да это же... это же надо перешить! — вырвалось у неё вслух. — Убрать турнюр, распустить складки, сделать декольте лодочкой и добавить кушак на боку! Господи, да они все здесь одеты как пугала!

Кучер на козлах покосился на странную нищенку, которая косилась на проезжающую карету с ее пассажиркой.

(Боже мой, это платье — катастрофа. Драпировка выполнена плохо, а цвета...)

Она улыбнулась. Грязно, обветренными губами, с единственным зубным гнойником. Но улыбнулась.

— Игра началась, господа, — сказала она вслед карете. — Катя умерла. Здравствуйтесь, я Вероника Штерн. И я научу вас одеваться.

Глава 3. Капитал

Петербург, Сенная площадь. Декабрь, предположительно 1881 год.

Первый рубль Вера заработала за три часа до того, как поняла, что умирает от голода.

Это была странная смерть. Не кинематографичная, с закатыванием глаз и красивым падением на снег. Голодная смерть — это когда мозг начинает есть сам себя. Ты становишься тупым. Ты перестаёшь соображать. Ты сидишь на корточках у стены и смотришь на чужую булку так, будто это лицо твоего любимого человека.

Вера знала это чувство. Нет, в прошлой жизни она не голодала. Но её мать — да. В девятые, когда Вера была маленькой, мать продавала всё, чтобы прокормить дочь. И рассказывала, как однажды три дня ела только кипяток с сахаром. «Главное, — говорила мать, — не думать о еде. Думай о том, что ты сделаешь, когда поешь».

Вера думала.

Она сидела на ступенях часовни, поджав под себя чужие ноги, и смотрела на прохожих. Не как нищенка — как дизайнер. Она сканировала.

Вот купчиха в собольей шубе. Шуба — хорошая, мех густой, но покрой — боже мой, покрой! — как мешок. Сделано явно провинциальным портным, который понятия не имеет о приталенном силуэте. Стоило бы убрать два вытачки на спине и сменить линию плеча — и купчиха выглядела бы на десять лет моложе.

Вот чиновник в шинели с бобровым воротником. Воротник посажен криво, пуговицы медные, дешёвые. Но мужчина явно хотел казаться богаче — из-под шинели виднелся отличный жилет, шёлковый, с цветочным рисунком. Несочетаемость убивала.

А вот — стоп.

Вера прищурилась.

Из Гостиного двора вышла дама. Молодая, лет двадцати пяти, в тёмно-вишнёвом платье с отделкой из чёрного бархата. Платье было явно дорогим. И явно парижским. Вера узнала рукава «а-ля жюж» — узкие, длинные, с маленьким буфом у плеча. Так шили в доме Ворта в конце семидесятых.

Но дама была несчастна. Она поправляла воротник, одёргивала юбку, хмурилась. Что-то её раздражало. И Вера знала — что.

Турнюр.

Турнюр был слишком велик. Идея турнюра — подушечки под юбкой сзади, создающей объём — была модной, но этот экземпляр явно сшила не рука мастера. Он сидел криво, съезжал набок и заставлял даму сутулиться, чтобы скрыть диссонанс.

Вера не выдержала.

— Простите, сударыня, — сказала она, поднимаясь.

Голос её прозвучал хрипло, но внятно. Дама обернулась и поморщилась — перед ней стояла грязная девка в рваньё.

— Пошла вон, — бросила дама и отвернулась.

— У вас турнюр съехал на левое бедро на три сантиметра, — быстро сказала Вера. — От этого ломается вся вертикаль. Ваше платье от Ворта, модель «Фаворитка», весна 1879 года, но его перешивали в Петербурге — я вижу по стежкам на подоле. Перешивал плохой мастер. Он испортил баланс.

Дама замерла. Медленно, очень медленно повернулась.

— Что ты сказала? — голос у неё был не испуганный, а острый. Заинтересованный.

— Я сказала, что ваше платье можно спасти, — Вера говорила тихо, чтобы не привлекать внимание городского. — И вам не нужно будет сутулиться.

Дама молчала пять секунд. Потом достала из муфты маленький кошелёк, вынула рубль — серебряный, сверкающий — и протянула Вере.

— Возьми. И скажи мне, откуда ты, дрянная девчонка, знаешь про Ворта?

— Я знаю про всех, сударыня, — Вера взяла рубль, но не спрятала, а зажала в кулаке, чтобы не выронили дрожащие пальцы. — Я умею шить. Я умею кроить. Я умею смотреть на женщину и видеть, что ей нужно, а не то, что ей продали.

Дама усмехнулась. Криво, но уже без презрения.

— Как тебя зовут?

— Катерина. Катя.

— А по батюшке?

Вера замылась на секунду. В памяти Кати всплыло: «Отец — Пётр». Она кивнула:

— Петровна.

— Ну что ж, Катерина Петровна, — дама убрала кошелёк. — Меня зовут Анна Сергеевна Оболенская. Приходи завтра к полудню на Литейный, дом двенадцать проверю все что ты рассказала мне, и если выяснится что ты мне соврала, ты очень об этом пожалеешь. Как придешь, спросишь горничную Машу. Скажешь, что от меня. Приходи чистая, поняла?

— Поняла, — кивнула Вера.

Оболенская развернулась и пошла прочь, высоко неся голову — несмотря на съехавший турнир. Вера смотрела ей вслед и уже знала, что завтра сделает.

Но сначала — еда.

Она потратила двадцать копеек на краюху чёрного хлеба, луковицу и кружку горячего сбитня у торговки на углу. Ела медленно, как учили когда-то на курсах этикета — отламывая маленькие кусочки, пережёвывая до состояния кашицы. Желудок болел, но боль была хорошей. Боль жизни.

Оставшиеся восемьдесят копеек она потратила на баню.

Это была не та баня, куда ходили господа. Это была чёрная, для черни — низкий потолок, каменка, дым, запах мокрого веника и чужого пота. Но за двадцать копеек её пустили на час, дали кусок мыла и тряпку.

Вера мылась дважды. Она тёрла кожу до красноты, отмывая слои грязи, которых накопилось за месяцы Катиной жизни. Волосы — спутанный колтун — она вычесала пальцами, теряя клочья, но чувствуя, как голова становится легче. Она нашла у себя вшей. Она их вывела мылом и отвращением.

Когда она вышла из бани, была уже ночь. Восемьдесят копеек кончились. Но она была чиста. Впервые за неизвестно сколько времени — чиста.

Она нашла ночлег в ночлежном доме на Обуховском проспекте. Пять копеек — место на полу в общем зале, на соломенном тюфяке, вповалку с двадцатью другими такими же. Пахло кислой капустой, мочой и отчаянием.

Вера легла, положив под голову узелок с остатками хлеба. Не спала. Думала.

Завтра она пойдёт к Оболенской. У неё есть иглолка, которую она выпросила у банщицы за дополнительную копейку. У неё есть нитки — она купила катушку чёрных и белых на толкучке.

И память, но это было благодаря чему она начнет новую жизнь.

Она помнила, как строить выкройку. От руки, без компьютера. Она помнила, как делать идеальную посадку по фигуре. Она помнила, какие ткани будут в моде через пять, десять, двадцать лет. Она помнила, что турнир умрёт в конце восьмидесятых, что на смену придёт силуэт «принтесс» с завышенной талией, а потом — «бель эпок» с корсетом «S-силуэт».

Она помнила слишком много для девочки-нищенки.

— А кто проверит? — прошептала она в темноту. — Кто поверит, что Катя с Сенной говорила по-французски и знает разницу между шёлком «сатен» и «фая»?

Никто.

Пока не увидят.

Глава 4. Литейный, 12

На следующий день шёл снег. Не московский, мокрый и грязный — петербургский, сухой, колючий, как битое стекло. Вера шла от Обуховского проспекта до Литейного почти час. В лаптях. По насту.

Она замёрзла, как собака. Но на лице её не было страдания. Она тренировала это лицо с утра, стоя перед мутным осколком зеркала в ночлежке: спокойствие, лёгкая полуулыбка, взгляд чуть сверху вниз. Взгляд человека, который знает, что он прав.

Она повторила про себя: «Ты не нищенка. Ты — Вера Штерн, креативный директор собственного бренда, ты сидела в первом ряду на показе Valentino, ты пила шампанское с Карлом Лагерфельдом (ну, почти). Эти люди в шубах и цилиндрах — они такие же, как твои клиенты в Дубае. Капризные, богатые, неуверенные. Они хотят красоты. Ты можешь её дать».

Дом 12 на Литейном оказался не особняком, а доходным домом — высоким, серым, с лепниной на фасаде и дворницкой в подвале. Вера обошла парадный вход и постучала в чёрный ход.

Дверь открыла девушка в белом переднике и чепце — горничная.

— Ты кто? — спросила она подозрительно.

— Я от Анны Сергеевны Оболенской, — сказала Вера. — К Маше.

Горничная поджала губы, но пропустила. Внутри пахло варёной капустой и стиркой. Кухня была чистой, с выбеленными стенами и огромной плитой.

— Маша! — крикнула горничная в коридор. — К тебе пришли. Говорит, от Оболенской.

Появилась Маша — плотная, румяная, с быстрыми глазами. Она оглядела Веру с головы до ног.

— Та самая? — спросила она с сомнением. — Барыня сказала: девка худая, глаза серые, говорит складно. Ну, говори.

— Мне нужен кусок ткани для образца — любой, — сказала Вера без предисловий. — И час времени. Я покажу, что умею.

Маша фыркнула. Но — ушла.

Через десять минут Вера сидела на табурете в комнате для прислуги, держа в руках старое платье — ситцевое, выцветшее, которое собирались выбросить на тряпки. Рядом лежали иголки, катушка серых ниток и маленькие ножницы.

— Это всё? — спросила Вера.

— Ах ты, неблагодарная, — начала Маша.

— Всё подойдёт, — перебила Вера. — Спасибо.

Она взяла платье, разложила его на столе и закрыла глаза на три секунды. Увидела. Сразу. Ситцевое платье — прямой покрой, мешковатое, без талии. Скучное. Домашнее.

Она возьмёт его и сделает пеньюар. Легкую домашнюю накидку. Уберёт рукава, сделает их короткими, с широкой проймой. Пояс перешьёт на кушак, который завяжется сбоку. Вырез углубит, но не слишком — для приличия. А по подолу добавит сборку из той же ткани, но в три ряда.

И она начала шить.

Маша стояла рядом и смотрела. Сначала — с насмешкой. Потом — с удивлением. Потом — с испугом. Потому что пальцы Веры двигались со скоростью швейной машины. Стежки ложились ровно, как по линейке. Она не смотрела на свои руки — она смотрела вперёд, сквозь ткань, на образ, который существовал только у неё в голове.

Через сорок минут всё было готово.

— Примерь, — сказала Вера, протягивая перешитое платье Маше.

— Зачем это мне? — опешила горничная.

— Затем, что на тебе оно будет сидеть лучше, чем на вешалке. Примерь.

Маша надела. И замерла.

Платье, которое минуту назад было выцветшей тряпкой, преобразилось. Оно легло по фигуре, но не облегало — струилось. Короткие рукава открывали полные руки Маши, делая их изящнее. Кушак на боку подчеркнул талию. Три ряда сборки по подолу придали объём и движение.

Маша повернулась к мутному зеркалу на стене.

— Господи... — прошептала она. — Как же... это красиво.

— Это просто ситец, — сказала Вера. — Представь, что я могу сделать с шёлком.

В дверь постучали.

— Маша, барыня спрашивает, — раздался голос. — Кто там к тебе приходил?

Маша переглянулась с Верой. И, видимо, приняла решение.

— Погоди здесь, — сказала она и вышла.

Вера осталась одна. Она сидела на табурете, стараясь не дышать слишком глубоко — болели рёбра. От голода? От холода? От того, что она умерла и воскресла в чужом теле? Неважно.

Она смотрела на свои руки. Грязные, с обломанными ногтями, красные от работы. Но — живые. И эти руки умели то, чего не умел никто в этом городе.

Они умели создавать красоту из ничего.

Через пять минут вернулась Маша. Не одна. С ней была женщина лет тридцати пяти — в домашнем платье из тёмно-синего бархата, с кружевным чепцом на голове. Лицо у женщины было умное, усталое и очень любопытное.

— Это ты, — сказала женщина, глядя на Веру. — Та самая девка, которая на Сенной разбирается в платьях от Ворта.

— Я, сударыня, — Вера встала и сделала книксен. Ноги дрожали, но она удержалась.

— Меня зовут Елизавета Павловна Шереметева, — женщина прошла в комнату, села на стул, не обращая внимания на скромную обстановку. — Анна Сергеевна Оболенская — моя племянница. Она рассказала мне о вас. Я не поверила. Но Маша... — она кивнула на горничную, которая всё ещё стояла в перешитом платье, — Маша выглядит так, будто готова выйти замуж за князя. Где вы научились шить, девочка?

Вера молчала две секунды. Потом сказала:

— Во сне, сударыня.

— Что?

— Мне снятся сны, — сказала Вера спокойно. — Я вижу во сне платья. Такие, каких никто не шил. А когда просыпаюсь — могу их повторить. Руками.

Елизавета Павловна прищурилась. Так смотрят на ярмарке, когда предлагают товар, который выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— И много вы таких платьев видели во сне? — спросила она.

— Тысячи, — ответила Вера.

И улыбнулась. Не той улыбкой, которой улыбалась в прошлой жизни — профессиональной, дипломатичной. А новой, дерзкой, почти нахальной.

Она знала, что рискует. Её могли выгнать. Могли назвать бесноватой. Могли сдать в участок за бродяжничество.

Но Елизавета Павловна Шереметева вдруг рассмеялась.

— Катя, — сказала она. — Катерина Петровна. У меня завтра вечером званый ужин. Ко мне приедет княгиня Юсупова. Она недавно привезла из Парижа платье, которое ей не нравится. Она говорит, что оно «не то». Я не понимаю, что значит «не то». Но, может быть, вы понимаете?

— Понимаю, — сказала Вера.

— Тогда завтра в четыре часа вы будете здесь. Чистая, причёсанная, в приличной одежде, — Елизавета Павловна повернулась к Маше. — Найди ей что-нибудь из старого, но целого. И накорми.

Она встала и направилась к двери. На пороге обернулась.

— Если вы обманщица, Катерина Петровна, вы очень пожалеете что ввязались в эту игру с Шереметевой. Если нет — может быть, у вас появится работа.

Вера поклонилась. Молча.

Когда дверь закрылась, Маша выдохнула:

— Ну и дела...

— Маша, — сказала Вера. — Госпожа говорила про еду!

Горничная фыркнула, но пошла на кухню. Через пять минут перед Верой стояла тарелка горячих щей с говядиной, кусок ржаного хлеба и кружка киселя.

Вера ела медленно. С наслаждением, которое граничило с религиозным экстазом.

«Шереметева, — думала она. — Одна из богатейших семей империи. Юсупова — ещё богаче. Завтра я буду в доме, где решаются судьбы. Не на балу — на чёрной лестнице. Но это начало».

Она доела щи, вытерла губы тыльной стороной ладони и попросила у Маши бумагу и карандаш.

— Зачем? — удивилась та.

— Хочу нарисовать, что я сделаю с платьем княгини Юсуповой, — сказала Вера. — Чтобы завтра не объяснять на пальцах.

Она села к столу и начала рисовать.

Пальцы дрожали — не от голода, от возбуждения. Эскиз рождался сам собой: платье-реформ, без турнюра, с завышенной талией и свободной юбкой. С вышивкой в стиле модерн — стиле, которого ещё не существовало. С рукавами-жиго, широкими от плеча до локтя и узкими ниже. Это платье опережало время лет на десять.

Но Вера знала: в моде «опережать время» — это не порок. Это бренд.

Она подписала внизу по-французски:

«Pour la princesse qui n'a pas peur d'être belle».

(Для княгини, которая не боится быть красивой).

И легла спать на том же соломенном тюфяке, в комнате для прислуги.

Маша дала ей одеяло.

Это был первый тёплый сон в новой жизни.

Глава 6. Сто стежков до славы

Платье привезли на следующий день в девять утра.

Не просто привезли — привезли в отдельной карете, запакованное в шёлковую простыню, перевязанное лентами. Вместе с платьем прибыл сундук: чёрный бархат (отличного качества, итальянский, Вера узнала ворс), серебряные нити (настоящее серебро, тонкое, мягкое), катушка шёлка в тон, пуговицы из чёрного агата и записка от княгини: «Работайте осторожно. Ткань дорогая. З.Ю.».

Вера развернула платье на столе в комнате для прислуги. Маша стояла рядом, грызла ноготь и мешала.

— Отойди, — сказала Вера спокойно. — Ты создаёшь вибрацию.

— Какую вибрацию? — не поняла Маша.

— Которую я не люблю.

Маша обиделась, но отошла.

Вера начала с того, что сняла мерки. Не с манекена — с платья. Она измеряла каждый шов, каждую вытачку, каждую складку. Ей нужно было понять, где именно мастера ошиблись.

Ошибка нашлась быстро. И она была глупой до слёз.

Лиф был скроен на женщину с узкой спиной и широкой грудью. Юбка — на женщину с широкими бёдрами. Княгиня Юсупова была пропорционально сложена — у неё не было ни узкой спины, ни широких бёдер. Поэтому платье и тянуло. Потому что лиф сидел на полтора сантиметра уже, чем нужно, а юбка — на два сантиметра шире.

«Идиоты, — подумала Вера с профессиональной злостью. — Как можно было не снять мерки с заказчицы? Сделали на глаз, по типовой выкройке. За такие деньги!»

Она взяла маленькие ножницы, которые Маша раздобыла у портнихи Шереметевой, и начала распарывать.

Распарывать чужую работу — это как читать чужое письмо. Ты видишь почерк мастера, его привычки, его ошибки. Этот портной, например, всегда делал слишком мелкие стежки — красиво, но непрактично. Тот, кто шил юбку, сэкономил нитки — стежки были редкими, кое-где уже начала расходиться строчка.

Вера работала медленно, почти медитативно. Кусочек за кусочком, стежок за стежком.

К обеду платье лежало на столе в виде отдельных деталей — лиф, юбка, рукава, турнюр (который она отложила в сторону и больше не трогала).

— Турнюр мы не используем, — сказала она Маше. — Отдай кому-нибудь на подушки.

— Ты с ума сошла? — ахнула горничная. — Княгиня велела перешить платье, а не выбрасывать половину!

— Княгиня велела сделать так, чтобы она выглядела великолепно, — сказала Вера. — Без турнюра она будет выглядеть великолепнее. Доверься.

Маша недоверчиво покачала головой, но спорить не стала.

Следующие два дня Вера почти не спала.

Она кроила новый лиф из старого шёлка — пришлось убирать лишние сантиметры, переделывать вытачки, заново прокладывать строчки. Бархат для юбки она резала с молитвой — один неверный взмах ножницами, и ткань испорчена. А заменить её ничем.

Вера работала при свечах. Маша приносила ей чай и сухари, ругалась, что она себя не жалеет, но смотрела на её руки с благоговением.

Потому что руки Веры творили чудо.

Бархат ложился идеальными складками. Шёлк блестел, как вода. Серебряные нити ложились в узор — растительный, плавный, как стебли полевых цветов. Вера вышивала вручную,

без пялец, просто держа ткань на весу — так вышивали монахини в Средние века, и так никто не вышивал в девятнадцатом веке.

— Где ты научилась так вышивать? — спросила Маша на второй день, глядя, как Вера выводит серебряную нить в замысловатом завитке.

— Во сне, — ответила Вера, не поднимая глаз.

— Ты уже говорила про сны. Я не верю.

— Не веришь — не надо. Тебе главное, чтобы платье получилось красивым, верно?

— Верно.

— Тогда дай мне ещё чаю и не мешай.

На третье утро Вера закончила.

Она отошла от стола на три шага и посмотрела на платье, висящее на манекене.

Чёрный бархат юбки струился вниз, как ночная река. Тёмно-синий шёлк лифа мерцал в утреннем свете. Серебряная вышивка переливалась — цветы и листья, которые казались живыми. Рукава-жиго — широкие от плеча, узкие ниже — придавали силуэту лёгкость и изящество. Никакого турнюра. Только естественная линия спины, которую подчёркивал глубокий, но скромный вырез.

Платье было красивым. Не модным — красивым. Мода проходит, а красота остаётся.

— Маша, — сказала Вера. — Зови барыню. И посыльного к княгине. Платье готово.

Первое платье Катерины

Княгиня Юсупова приехала сама.

Не прислала горничную, не велела доставить платье к ней домой — приехала. В простом дорожном платье, без украшений, но с теми же тёмными глазами, которые видели насквозь.

Она вошла в комнату для прислуги (вошла! княгиня — в комнату для прислуги!), остановилась перед манекеном и замерла.

Молчала она долго. Целую минуту.

Потом сняла с себя перчатки. Потрогала бархат. Потрогала вышивку. Отошла на шаг. Вернулась. Посмотрела на Веру.

— Ты это сделала? — спросила она тихо.

— Я, ваше сиятельство.

— За три дня?

— За три дня.

Княгиня повернулась к Елизавете Павловне, которая стояла в дверях с любопытством на лице.

— Лиза, — сказала она. — Я хочу примерить. Прямо сейчас. Здесь.

Елизавета Павловна хлопнула в ладоши.

— Маша! Ксюша! Дуняша! — закричала она. — Раздеть княгиню!

Через десять минут Зинаида Николаевна Юсупова стояла перед зеркалом в платье, которое Вера перешила из парижского хлама.

Стояла и молчала.

Вера стояла позади, не дыша. Если княгиня сейчас скажет «снимите», если она поморщится, если она просто промолчит слишком долго — всё пропало.

Княгиня повернулась к зеркалу боком. Потом спиной. Потом снова лицом.

— Лиза, — сказала она. — Посмотри.

Елизавета Павловна подошла ближе. Посмотрела.

— Боже мой, — прошептала она. — Зина, ты в этом платье выглядишь на двадцать лет.

И на сто тысяч.

Княгиня улыбнулась. Впервые за всё время.

— Катя, — сказала она, не оборачиваясь. — Подойди.

Вера подошла.

Княгиня смотрела на неё в зеркало — две пары глаз встретились: тёмные янтарные и серые, огромные, уставшие, но живые.

— Я не знаю, кто ты, — сказала княгиня. — Но ты — гений. Я скажу об этом всем. Ты будешь шить на меня. Только на меня. Поняла?

— Поняла, ваше сиятельство.

— И не называй меня вашим сиятельством. Для тебя я Зинаида Николаевна. Ты это заслужила.

Она сняла с пальца кольцо — маленький сапфир в серебряной оправе — и протянула Вере.

— Это задаток. Завтра пришлю сто рублей, как обещала. А это — чтобы ты не забыла, что даже княгини умеют быть благодарными.

Вера взяла кольцо. Оно было тёплым от княгининой руки.

— Спасибо, Зинаида Николаевна, — сказала она.

И впервые за три дня — улыбнулась

Глава 7. Слухи и сплетни

Следующие две недели Вера почти не видела улицы.

Она жила в комнате для прислуги в доме Шереметевой, ела вместе с горничными, спала по четыре часа в сутки и шила. Шила как одержимая. Потому что после того, как княгиня Юсупова появилась в её платье на званом вечере у графа Воронцова-Дашкова, телефон (в смысле — сарафанное радио) разрывался.

В имперской России не было телеграм-каналов и инстаграма. Но была молва. И молва работала быстрее любого интернета.

— Ты слышала? Юсупова в новом платье — все ахнули.

— Говорят, турнюра нет, а смотрится лучше, чем с турнюром.

— Кто шил? Парижанин? Нет, какая-то девка, сирота, у Шереметевой на кухне живёт.

— Не может быть. Сирота? И такое платье? Врёшь.

Не верили. Но приезжали смотреть.

Первой приехала графиня Орлова-Давыдова — женщина лет пятидесяти, грузная, с двойным подбородком и глазами-щёлочками. Она ворвалась в комнату для прислуги, не спросив разрешения, и уставилась на манекен, на котором висело новое платье — Вера как раз заканчивала его для Елизаветы Павловны.

— Это вы шили для княгини Юсуповой? — спросила графиня, не глядя на Веру.

— Я, ваше сиятельство.

— Покажите, что вы можете мне предложить.

Вера показала. Она достала эскизы — те, что рисовала по ночам при свечах. На них были платья, которых никто никогда не видел: вечерние туалеты с завышенной талией, дневные платья с асимметричной застёжкой, домашние пеньюары из мягкого шёлка, напоминающие те, что будут носить в двадцатых годах двадцатого века.

Графиня смотрела долго. Потом ткнула пальцем в один эскиз:

— Это мне. Через неделю. Синий бархат, отделка — горностаи. Сделаете?

— Сделаю, — сказала Вера.

— Сколько?

— Сто пятьдесят рублей.

Графиня прищурилась:

— Дорого.

— Это дёшево, ваше сиятельство, — сказала Вера спокойно. — В Париже такое платье стоило бы пятьсот франков. Я делаю здесь и сейчас. И я делаю так, что ваша фигура будет выглядеть лучше, чем она выглядит на самом деле.

Графиня вспыхнула. Но не от гнева — от неожиданной похвалы.

— Хамка, — сказала она без злобы. — Но дело говоришь. Через неделю.

И уехала.

Через два дня приехала княгиня Голицына. Через три — баронесса Корф. Через пять — сама великая княгиня Мария Фёдоровна, супруга цесаревича, прислала свою камеристку с запиской: «Желаю видеть эскизы. Привезите во дворец».

Вера прочитала записку три раза, чтобы убедиться, что у неё не галлюцинации.

Великая княгиня. Будущая императрица. Жена наследника престола.

— Ты побледнела, — заметила Маша. — Боишься?

— Нет, — соврала Вера. — Я просто... не ожидала так быстро.

— Дурь ты, Катя, — усмехнулась Маша. — Ты сделала платье для Юсуповой, а Юсупова — это вход в любой дом Петербурга. Теперь тебе от ворот поворот не сделают. Даже во дворце. Вера взяла себя в руки.

— Маша, помоги мне собрать эскизы. И найди что-нибудь приличное надеть. Во дворец в ситцевом платье не пустят.

Дворец великой княгини на Английской набережной был не самым большим в Петербурге, но самым изысканным. Вера знала это из книг по истории архитектуры, которые читала в прошлой жизни. Теперь она стояла у парадного входа, в платье, которое сшила себе сама за одну ночь — тёмно-серый шёлк, строгий, без украшений, но с идеальной посадкой. Единственной роскошью был маленький воротник из чёрного кружева, который Вера сделала из обрезков.

Она выглядела как скромная гувернантка или компаньонка. Не как нищенка. И это было главным.

Камеристка — сухая женщина в белом чепце — провела её через анфиладу комнат. Вера шла, не поднимая глаз, но краем зрения успевала заметить: лепнина на потолках, паркет из ценных пород дерева, картины в массивных рамах, китайские вазы ростом с человека.

«Здесь не принимают, — подумала Вера. — Здесь демонстрируют богатство. Каждая вещь в этом доме стоит больше, чем я заработаю за год».

Она не почувствовала зависти. Только холодную решимость.

«Всё это может стать моим. Не сейчас — потом. Не это — другое. Но я буду в этом мире. Я не останусь на кухне».

Великая княгиня Мария Фёдоровна принимала в Малиновой гостиной — небольшой комнате с шёлковыми обоями цвета пыльной розы.

Она была красива. Не той красотой, которая видна на портретах — живой, подвижной, с быстрыми глазами и улыбкой, которая появлялась и исчезала, как солнечный зайчик. Датская принцесса, ставшая русской великой княгиней, она сохранила лёгкий акцент и манеру держаться, которую в Петербурге называли «слишком свободной».

— Подойдите ближе, — сказала она, когда Вера остановилась у порога.

Вера подошла. Поклонилась — не в пол, как крестьянка, а лёгким наклоном головы, как учили в прошлой жизни на курсах этикета.

— Вы не похожи на сироту, — заметила великая княгиня. — У вас слишком прямая спина.

— Я учусь держать спину прямо, ваше императорское высочество, — сказала Вера. — Потому что сутулые плечи портят даже самое красивое платье.

Мария Фёдоровна усмехнулась.

— Зинаида сказала, что вы дерзкая. Я не поверила. Теперь вижу. — Она указала на стул. — Садитесь. Показывайте эскизы.

Вера разложила рисунки на столике. Великая княгиня смотрела молча, водя пальцем по линиям, как будто читала их, а не видела.

— Это платье, — она ткнула в один эскиз, — без корсета?

— С облегчённым корсетом, ваше высочество, — ответила Вера. — Я не против корсетов, они дают осанку. Но я против того, чтобы женщины не могли дышать. В этом платье можно будет танцевать весь вечер и не упасть в обморок.

— А это? — палец переместился на другой рисунок. — Рукава как у мужского сюртука?

— Да. Это мода из будущего, — сказала Вера и тут же прикусила язык.

— Из будущего? — великая княгиня подняла бровь.

— Я хотела сказать — из моей фантазии, — поправилась Вера. — Я не знаю, что будет модно через год. Но я знаю, что хотела бы носить сама.

Мария Фёдоровна смотрела на неё несколько секунд. Потом откинулась на спинку стула.

— Я закажу у вас три платья, — сказала она. — Вечернее, бальное и для верховой езды. Эскизы утвердим через неделю. Оплата — триста рублей за каждое. Вас это устраивает?

У Веры перехватило дыхание.

Девятьсот рублей. Это были огромные деньги. На них можно было снять комнату, купить ткани, нанять помощницу — и больше никогда не спать на соломенном тюфяке.

— Да, ваше императорское высочество, — сказала она как можно спокойнее. — Меня это устраивает.

— Хорошо. — Великая княгиня встала, давая понять, что аудиенция окончена. — Ваши эскизы я оставляю себе. Приходите через неделю.

Вера поклонилась и вышла.

На улице она прислонилась к холодной стене дома и закрыла глаза. Сердце колотилось как бешеное.

«Ты сделала это, — сказала она себе. — Ты получила заказ от будущей императрицы. Ты больше не нищенка».

Но спокойствие длилось недолго.

На следующий день к Шереметевой пришёл он.

Вера сидела на кухне, пила чай и перебирала нитки, когда Маша влетела бледная как полотно.

— Катя, там... там пришли, — зашептала она. — К барыне. Какой-то француз. Говорит, что ты воровка. Что ты украла его эскизы. Что он пожалуется полиции.

Вера поставила кружку.

— Француз? — переспросила она. — Портной?

— Да. Месье Леклер. У него мастерская на Невском. Он шьёт для половины Петербурга. И он говорит, что никогда не видел такого нахальства, чтобы какая-то дворовая девка перебивала у него заказы.

Вера встала.

— Маша, проводи меня к нему.

— Ты с ума сошла! Он тебя съест!

— Проведи, — повторила Вера. — И не бойся. Французов я не боюсь. Я с ними договоры подписывала, когда ты ещё в люльке качалась.

Она не уточнила, в какой именно жизни.

Месье Жан-Батист Леклер оказался мужчиной лет пятидесяти, с бакенбардами, лысиной и брюшком, которое он тщетно пытался скрыть дорогим жилетом. Он сидел в гостинной Шереметевой, пил коньяк и жестикулировал.

— C'est un scandale! — кричал он. — Эта девка, эта... оборванка... она украла мои идеи! Платье Юсуповой — это моя работа! Мои рукава «жиго»! Моя идея с бархатом!

— Месье Леклер, — сказала Вера, входя в гостиную без стука.

Он обернулся. Увидел её — худую, бледную, в сером платье — и скривился.

— Это вы? — спросил он по-французски. — Это вы та самая воровка?

— Я та самая, — ответила Вера на идеальном парижском французском, без единого акцента. — И я ничего у вас не воровала.

Леклер поперхнулся коньяком.

Он ожидал, что нищая девка будет мямлить на ломаном французском, едва связывая слова. А тут — беглое произношение, правильные интонации, парижское «г» гортанное, как у уроженца Монмартра.

— Откуда... — начал он.

— Оттуда же, откуда и мои эскизы, — перебила Вера. — Из головы. Ваши рукава «жиго»? Месье, рукава «жиго» носили ещё при дворе Наполеона Третьего. Это не ваше изобретение. Моя идея с бархатом? Бархат с шёлком комбинировали ещё мастера эпохи Возрождения. Не присваивайте себе то, что принадлежит всем.

Леклер побагровел.

— Как вы смеете! — закричал он. — Вы — никто! Вы — грязь под моими ботинками! Я буду писать императрице! Я добьюсь, чтобы вас выслали из Петербурга!

— Валяйте, — сказала Вера спокойно. — Только сначала подумайте: великая княгиня Мария Фёдоровна только что заказала у меня три платья. Юсупова носит моё платье. Орлова-Давыдова ждёт свою очередь. Если вы начнёте войну с девушкой, которая шьёт для будущей императрицы, кто, по-вашему, проиграет?

Леклер замолчал.

Он смотрел на Веру так, будто видел привидение. И, в каком-то смысле, он видел его — привидение женщины из другого времени, которая не боялась никого и ничего.

— Вы... вы пожалеете, — сказал он тихо, вставая. — В этом городе есть законы. И есть цеха. Мы не допустим, чтобы какая-то девка разрушала наш бизнес.

Он поклонился Шереметевой, которая всё это время молча наблюдала сцену, и вышел, громко хлопнув дверью.

Елизавета Павловна повернулась к Вере.

— Вы только что приобрели врага, Катя, — сказала она. — И не простого. Леклер — это целая сеть. У него связи в министерстве двора, у него покровители среди придворных. Он может вам навредить.

— Знаю, — кивнула Вера. — Но у меня есть кое-что, чего нет у него.

— И что же?

— Талант, — сказала Вера. — И знание того, что будет модно через десять лет. У него есть связи. У меня — будущее.

Елизавета Павловна покачала головой.

— Вы либо станете величайшим модельером России, — сказала она. — Либо умрёте в канаве. Третьего не дано.

— Меня устраивает, — сказала Вера.

И пошла обратно на кухню — шить.

Глава 8. Петербург закройщиц

Три недели спустя Вера сняла комнату.

Не ателье на Невском, не мастерскую в Гостином дворе — просто комнату в подвале доходного дома на Малой Морской. Сырую, с низким потолком, единственным окном под самым карнизом, выходящим в колодец двора. Но со своим входом — чёрным, с улицы, через железную дверь, которую можно было запереть на засов.

— Ты с ума сошла, — сказала Маша, когда Вера показала ей это помещение. — Здесь же крысы.

— Крыс мы переловим, — ответила Вера. — А за эту комнату я плачу пять рублей в месяц. Это дёшево.

— Дёшево — потому что здесь никто не хочет жить!

— А я не жить буду, — сказала Вера. — Я работать буду.

Она уже получила деньги от княгини Юсуповой и задаток от великой княгини. На руках у неё было двести тридцать рублей — целое состояние для бывшей нищенки. Вера потратила их с умом: три швейные машины (ручные, «Зингер», новенькие, с иголками и маслёнками), два манекена (один большой, для взрослых, один поменьше, для подростков — Вера планировала шить и на девочек-подростков, это была ниша, которую никто не занял), рулоны тканей — ситец, шёлк, бархат, несколько кусков кружева, купленных с рук у купца, который торговал бракованным товаром с фабрики.

Бракованный товар оказался не бракованным, а просто прошлогодним. Вера знала, что прошлогодний шёлк ничем не хуже нынешнего, если его правильно скроить.

— Ты колдунья, — сказала Маша, глядя, как Вера раскладывает ткани по полкам. — Откуда ты всё это знаешь?

— Книги читала, — отмахнулась Вера.

— Ты и читать-то, говорят, не умела, когда очнулась.

— Научилась, — Вера усмехнулась. — У меня память хорошая.

Маша покачала головой, но помогать не перестала. Она приходила каждый вечер после того, как Елизавета Павловна отпускала её по хозяйству, и сидела с Верой до полуночи — нарезала ткани, заметывала швы, училась шить на машинке.

— Ты быстро учишься, — заметила Вера как-то вечером.

— Ты хорошо учишь, — ответила Маша. — Я у других портних работала, они показывали — не понимала. А ты покажешь один раз — и как в голове вспыхивает.

Вера задумалась.

— Маша, а у тебя есть подруги? Такие же, как ты? Кому нужна работа?

— А то как же, — вздохнула Маша. — Весь Петербург полон девок, которые шьют за еду. У барыни моей, вон, судомойка есть, Палаша, — она из бывших портних, но её хозяин прогнал, когда она палец поранила и шить перестала быстро. Теперь посуду моет. А другая у меня есть знакомая, Акулина, — та вообще в ночлежке живёт, потому что шить умеет, а работу найти не может: все говорят, что она «не из цеха».

— Что значит «не из цеха»? — спросила Вера.

— А то и значит, — объяснила Маша. — В Петербурге есть Портновский цех. Если ты не в нём состоишь, ты не имеешь права шить на заказ. Тебя могут в полицию забрать, оштрафовать или вообще выслать из города. Месье Леклер, которого ты тогда выгнала, — он как раз старшина этого цеха. Поэтому он и злится. Ты работаешь без разрешения.

Вера помолчала.

— А как в этот цех вступают?

— Надо иметь рекомендации от двух мастеров, заплатить взнос — кажется, сто рублей — и сдать экзамен. Работу показать.

— Сто рублей?

— Да. Поэтому бедные и не могут. Дорого.

Вера поставила ножницы и посмотрела на Машу.

— Значит, — сказала она медленно, — цех — это способ, которым богатые портные не пускают бедных на рынок. Это не про качество. Это про деньги.

Маша пожала плечами:

— Наверное. Я не разбираюсь.

— А я разбираюсь, — сказала Вера. — Это называется картельный сговор. В моё время за такое сажали.

— В твоё время? — не поняла Маша.

— В моё время, когда я читала книги, — поправилась Вера. — Ладно. С цехом будем разбираться отдельно. А пока — зови своих подруг. Палашу и Акулину. И ещё кого знаешь. Мне нужны руки.

Палаша пришла на следующий день.

Она была невысокой, коренастой, с красными, обветренными руками и лицом, которое казалось старым, хотя ей было всего двадцать два. Правый указательный палец был кривым — сросся неправильно после того, как его зашили без кости.

— Я медленная теперь, — сказала она, пряча руку за спину. — Не возьмёте.

— Покажи, — сказала Вера.

Палаша нехотя протянула руку. Вера взяла её в свои, повертела, пощупала.

— Палец работает, — сказала она. — Ты не можешь делать тонкую работу — вышивку, бисер. Но ты можешь кроить. Для кроя нужна сила, а не точность. Кроить будешь.

Палаша заплакала.

— Меня никто не брал, — всхлипнула она. — Два года никто. Я думала, умру в судомойках.

— Не умрёшь, — сказала Вера сухо. — Будешь получать десять рублей в месяц плюс еда. Устроит?

— Устроит, — выдохнула Палаша.

Акулина пришла на следующий день.

Она была полной противоположностью Палаше — высокая, худая, с длинными пальцами пианистки и глазами, которые смотрели исподлобья. Она жила в ночлежке на Обводном канале и приходила пешком через весь город, потому что на конку не было денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.